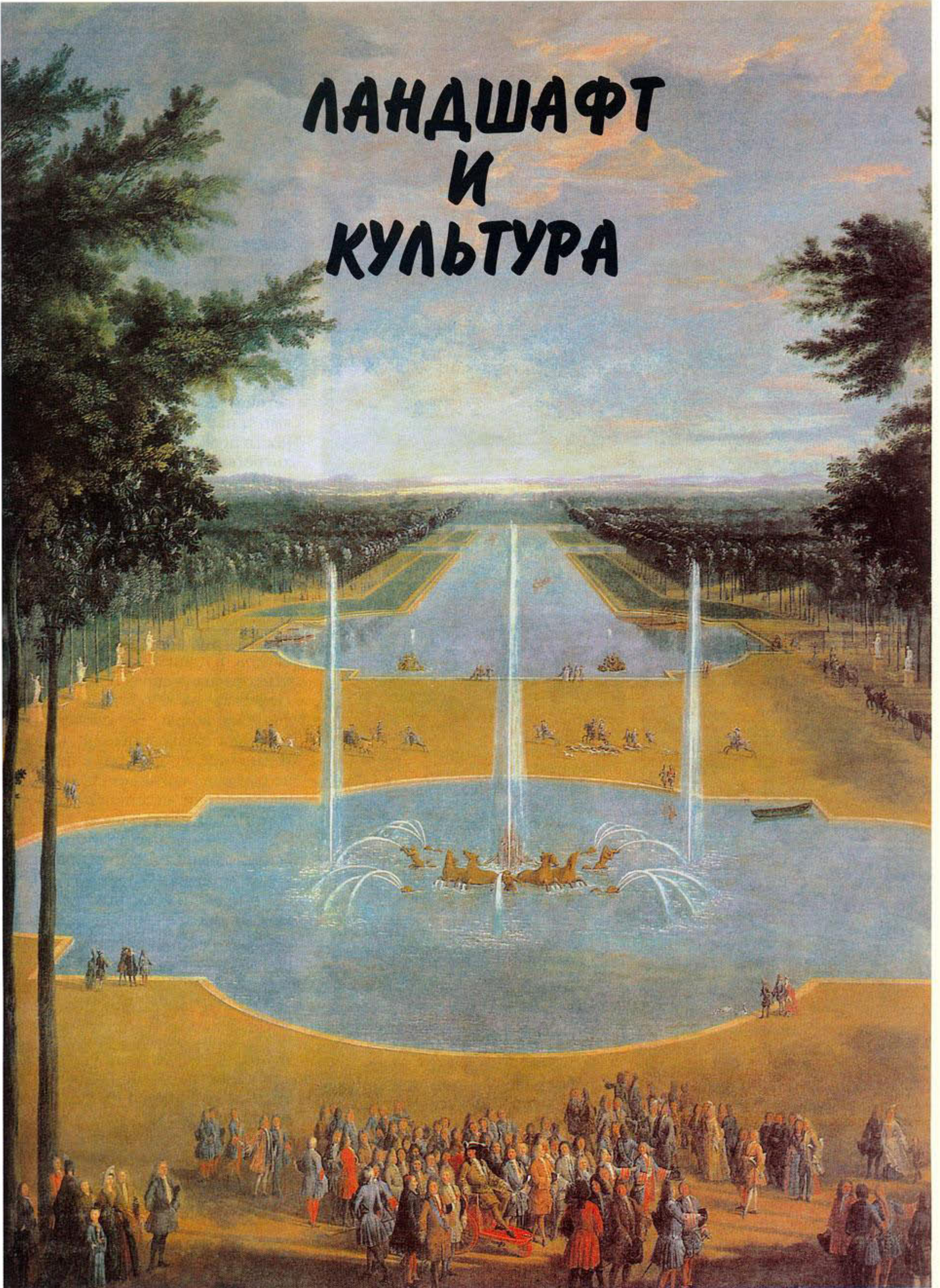

ЛАНДШАФТ И КУЛЬТУРА

Доктор географических наук А. О. СЕЛИВАНОВ,
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова

Тысячелетиями изменяя природу, люди стремились воссоздать в новых ландшафтах привычную для себя среду обитания. Еще с древних времен они воплощали на этих преобразованных территориях свои представления об окружающем мире. Ярче всего это проявилось в культурных ландшафтах, не имевших прямого хозяйственного назначения, — сначала в культовых сооружениях, позднее в садах и парках, полях и искусственных лесонасаждениях.

ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ ЛАНДШАФТ

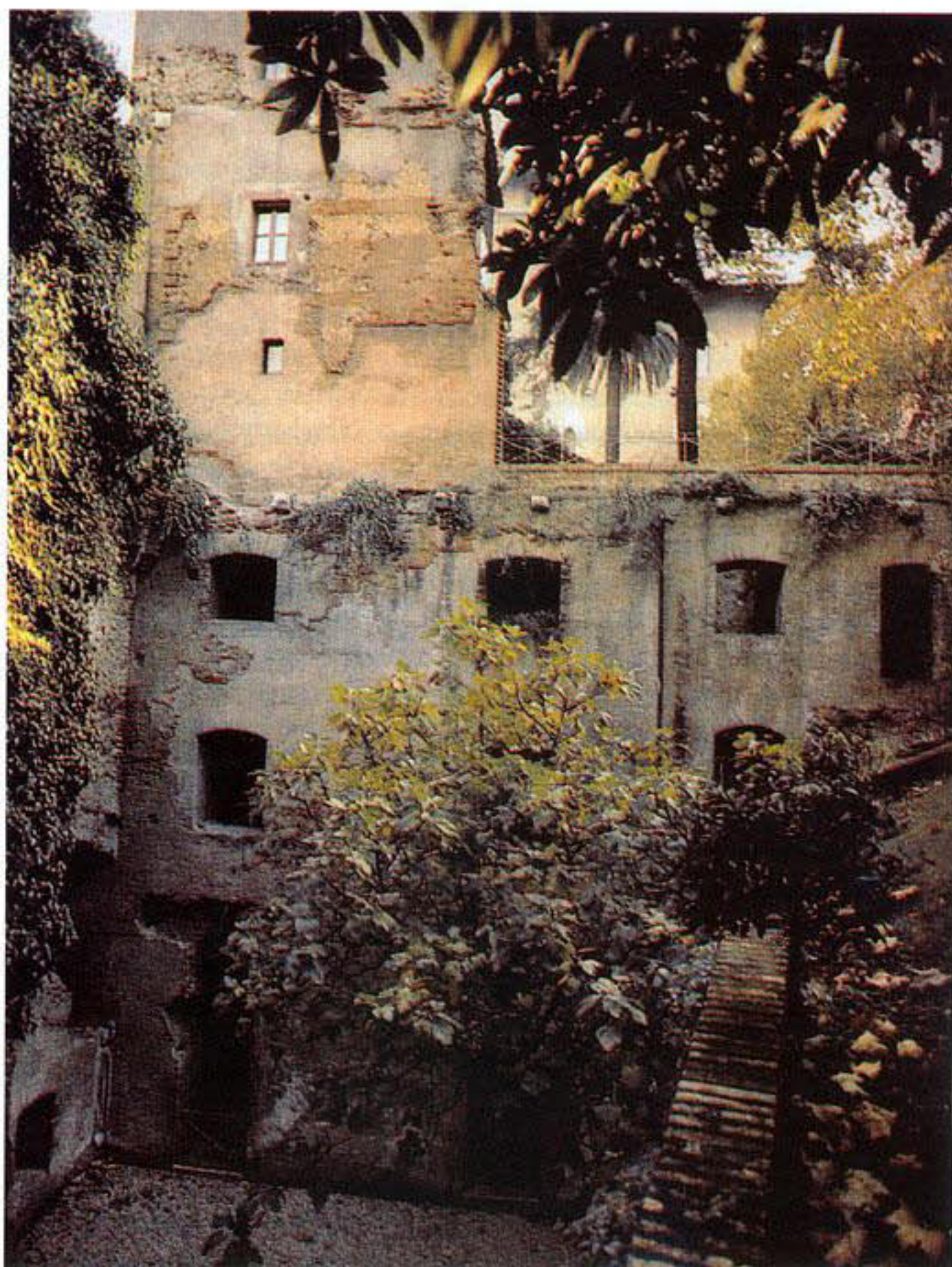
Те, кому доводилось путешествовать по Европе, посетить другие континенты, видели, насколько отличаются от места к месту не только естественные, но и измененные человеком ландшафты. В центре России для полей выкраивают клинья, прямоугольники и квадраты из окружающих лесов, которых, впрочем, становится все меньше. А на юге, в лесостепной и степной зонах, напротив, обширные поля приходится разделять лесополосами для защиты от ветров и накопления снега зимой*. Сельские поселения в центре России чаще всего группируются вокруг первоначального «ядра», сформировавшегося на месте лесной вырубki, а на юге вытягиваются вдоль дорог.

В сельскохозяйственных ландшафтах на низменных приморских равнинах Нидерландов и Бельгии при посадках овощей, цветов в открытом грунте и гигантских теплицах не пропадает ни одного клочка столь ценной там земли. Просторнее расположены поля и сады в Италии, где искусно используют склоны распространенных там холмов. Строгие контуры прямоугольных полей в Германии, рассеченных ровными, как стрела, линиями автострад и железных дорог, заметно отличаются от неправильных очертаний полей, садов и любовно сохраняемых естественных рощиц во Франции.

*См.: Ю. Н. Голубчиков «Цивилизацию ищите в пустыне». — Наука в России, 1999, № 6 (прим. ред.).

Версаль.
 Бассейн Аполлона
 и Большой канал.

Рим.
 Сады Саллюстия,
 II в. н.э.

**Дворцово-парковый ансамбль Павловска.
Храм Дружбы и чугунный мостик.**

Ландшафты, в различной степени измененные человеком, логично называть культурными. Этот термин впервые ввел в 20-х годах XX в. американский географ К. Зауэр (1889–1975) и понимал под этим сочетание занимающих определенную территорию элементов земной поверхности, которые сформированы или преобразованы деятельностью людей – носителей определенной культуры. В узком понимании культурный ландшафт – наиболее сильно измененная человеком природная среда, которая уже не в состоянии существовать без его участия, а в более широком смысле – всякая местность, несущая на себе следы взаимодействия природы и человека – от экваториального леса, где малочисленные племена охотятся на диких животных, до огромного современного города.

Большинство этнических или социальных групп стремятся воссоздать в культурном ландшафте привычную для них, отвечающую определенному стереотипу среду обитания. Например, поселения молочан и духоборов (секты духовных христиан) в Закавказье, Канаде и Сибири формируются по тем же принципам, что и их прежние южнорусские и украинские деревни XVII–XVIII вв. – это группы вытянутых вдоль дорог белых домов с главным входом со стороны двора.

ОТ ПАЛЕОЛИТА К АНТИЧНОСТИ

Ярче всего представления о природе и месте в ней человека воплощаются в искусственно обустроенных ландшафтах, не имеющих прямого хозяйственного назначения. К ним относятся позднепалеоли-

тические культовые сооружения из костей мамонта и других животных на побережье Чукотского моря, храмовые комплексы античного Средиземноморья, индейских цивилизаций Центральной и Южной Америки, Китайской империи, наконец, сады и парки Европы, Китая и Японии.

На берегу пролива Сенявина (Берингово море) отечественные археологи С. А. Арутюнов, И. И. Крупник и М. А. Членов (Институт антропологии и этнографии РАН) в конце 80-х годов обнаружили и описали огромный эскимосский ритуальный комплекс, созданный примерно I тыс. лет назад, из костей и челюстей гренландских китов и крупных валунов – они назвали его Китовой аллеей. Эскимосам, постоянно занимающимся промыслом китов, моржей и тюленей, известный в деталях организм этих животных, вероятно, представлялся похожим на многообразный и не всегда понятный окружающий мир.

Центром обнаруженного святилища было место, которое соответствует затылочному отверстию кита (где череп присоединяется к позвоночнику) – одному из наиболее уязвимых мест на теле огромного животного. А весь комплекс расположен так, что очертания кита на склоне холма хорошо видны с моря.

На российском побережье Японского моря мне довелось детально изучать памятники янковской культуры (более 1,5 тыс. лет назад). Жившие здесь в тот период люди активно употребляли в пищу морские продукты, в первую очередь моллюсков, а также рыбу, крабов и пр. И после янковцев на побережье остались холмы диаметром в десятки метров и до 15 м высотой. Они называются раковинными кучами, хотя в них предостаточно и обломков керамических сосудов, костей рыб, хрящей кра-

бов. Так что побережье в тот период было порядочно замусоренным, но это ведь тоже культурный ландшафт.

В этой связи можно вспомнить и знаменитую помойку на юге античного Рима: диаметр ее достигал 1200, а высота — 45 м. Названная Mons tectaceus (Гора черепков), она действительно содержала множество керамических обломков.

С формированием религии как специфической стороны культуры заметную роль в ландшафте населенных местностей стали играть храмы. Древние греки часто воздвигали их на вершинах холмов, чтобы подчеркнуть связь земли, на которой живут люди, и неба, где обитают боги. Впрочем, иногда храмы строили в густых тенистых рощах (в одной из них, по описанию древнегреческого географа и историка Страбона, располагалось святилище Аполлона и Артемиды вблизи Антиохии в современной Сирии). Вместе с тем античное искусство стремилось подчеркнуть созидательную роль человека. Во всяком случае, на вазах или мозаиках той эпохи трудно найти картины девственной природы.

Культ «второй природы» особенно характерен для римлян. В этом отношении показательно замечание современного отечественного историка и археолога В. Д. Блаватского, сделанное в 60-е годы: «... даже в своих загородных виллах римляне предпочитали смотреть на горы и море из помещений и совершать прогулки, находясь под портиком». Этой же цели у них служил атрий — внутренний двор в середине жилища.

САДЫ И ПАРКИ КАК КУЛЬТУРНО-ПРИРОДНЫЙ ФЕНОМЕН

Возникнув в древней Европе как приусадебные огороды, к средним векам сады приобрели здесь

Лондон. Замок Хэмптон-Корт с обширным регулярным парком, переходящим в пейзажный.

иную функцию — отчлененного от остальной территории участка идеальной природы. Такое представление, несомненно, восходит к библейской истории о создании Творцом райского сада, в котором росло «всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» (Бытие, 2,9), и к образу «мирового дерева» как выражения устройства мира. Между прочим, райский сад был уже своего рода моделью земного мира: по нему текли реки «для орошения рая», в недрах содержались золото и «камень оникс».

Садово-парковое искусство, — пишет академик Д. С. Лихачев (1906—1999) в книге «Поэзия садов», — это «превращение мира в некий интерьер», в котором «материалом служат не только деревья, кусты и сады, но и все другие искусства и частично природа за пределами сада, например, небо, видимое то в больших, то в малых размерах через деревья и над деревьями. Сад всегда выражает некоторую философию, эстетические представления о мире, отношение человека к природе, это микромир в его идеальном выражении».

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОБРАЗ МИРА

По мнению Лихачева, первые сады в Европе создавали при монастырях, причем примерно до XIV в. они были как бы подобием дикой природы, не испытывавшей греховного влияния человека. Да и сами монастыри, особенно на Руси, часто ставили как можно дальше от освоенных заселенных местностей, и естественная природа играла в них основную роль.

Винсент Ван Гог. Пейзаж в Овере после дождя, 1890 г.

Эпоха Возрождения ознаменовала начало открытого вмешательства в дикую природу, которую все больше воспринимали как воплощение хаоса, где порядок способен навести только человек. С развитием науки и техники возникла иллюзия неограниченной власти людей над природой и убеждение, что истинно прекрасен лишь преобразованный ландшафт. Французский естествоиспытатель, иностранный почетный член Петербургской АН Ж. Л. Бюффон (1707–1788) писал: «Как отвратительна эта дикая умирающая природа! Это я, только я один могу сделать ее приятной и живой: осушим эти болота, оживим эти мертвые воды, заставим их течь...». В России будущий патриарх Никон (1605–1681), ставивший «священство выше царя», а веру – выше ценностей грешной земной жизни, еще в бытность настоятелем Ферапонтова монастыря приказал насыпать близ него, на озере, остров в виде креста*.

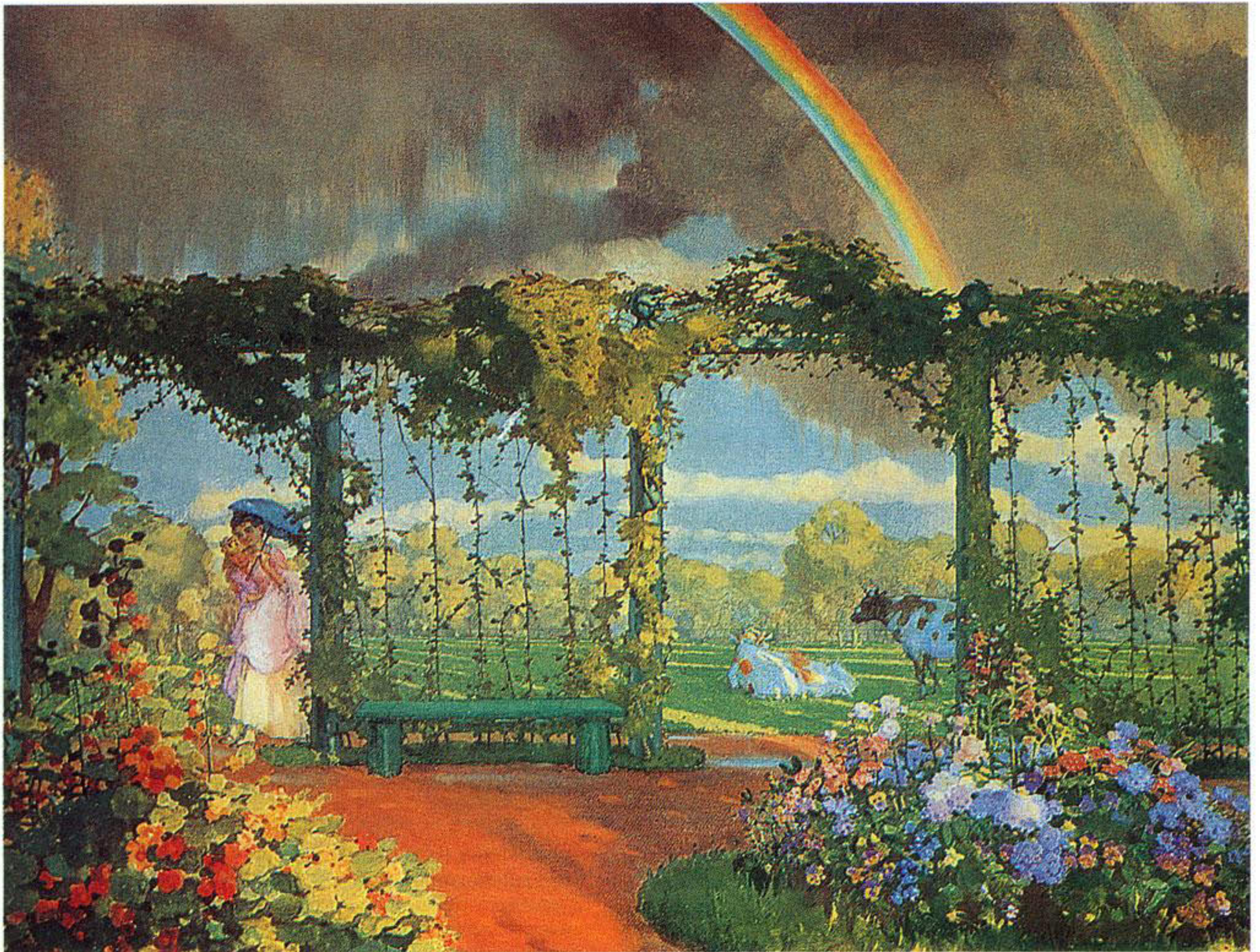
*См.: В. П. Даркевич. Фрески Дионисия. – Наука в России, 2000, № 4 (прим. ред.).

Чем не символ преобразующего влияния разума, хоть и божественного по отношению к природе? А в ландшафтах Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме под Москвой в соответствии с представлениями Никона были воссозданы образы Святой Земли*.

С XV в., когда в европейской архитектуре и искусстве главенствовал стиль ренессанса, под садово-парковым искусством стали понимать совершенствование природы путем придания ей строгих форм. Многочисленные террасы, павильоны, башни, ограды, арки ворот и перспективы узких аллей во флорентийских, римских, а затем английских и французских садах ограничивали обзор, а фонтаны символизировали преодоление сил природы.

В сменившем ренессанс стиле барокко наряду со строгостью ценили пышность и необычность. Поэтому в садах устраивали кунсткамеры, выращивали редкие фрукты. Характерным примером этому в России

*В. П. Даркевич. Новый Иерусалим. – Наука в России, 2000, № 6 (прим. ред.).

служат многие парки Царского села под Санкт-Петербургом, появившиеся в первой половине XVIII в.

Однако еще с конца XVII в. начал набирать силу новый стиль. Строгость линий, симметрия, наличие центральных аллей, организующих все парковое пространство, широкий обзор ровной открытой местности – вот черты садов и парков, создававшихся в стиле классицизма. Природа в них уподоблялась механизму, который человек чистит, ремонтирует, запускает. Для Версаля во Франции, служащего ярким примером таких садов, весьма характерны аллеи, расходящиеся во все стороны, подобно солнечным лучам – символу безграничной власти Людовика XIV, «короля-солнца», правившего в 1643–1715 гг. Победу России в Северной войне прославлял созданный в Петергофе ансамбль парков.

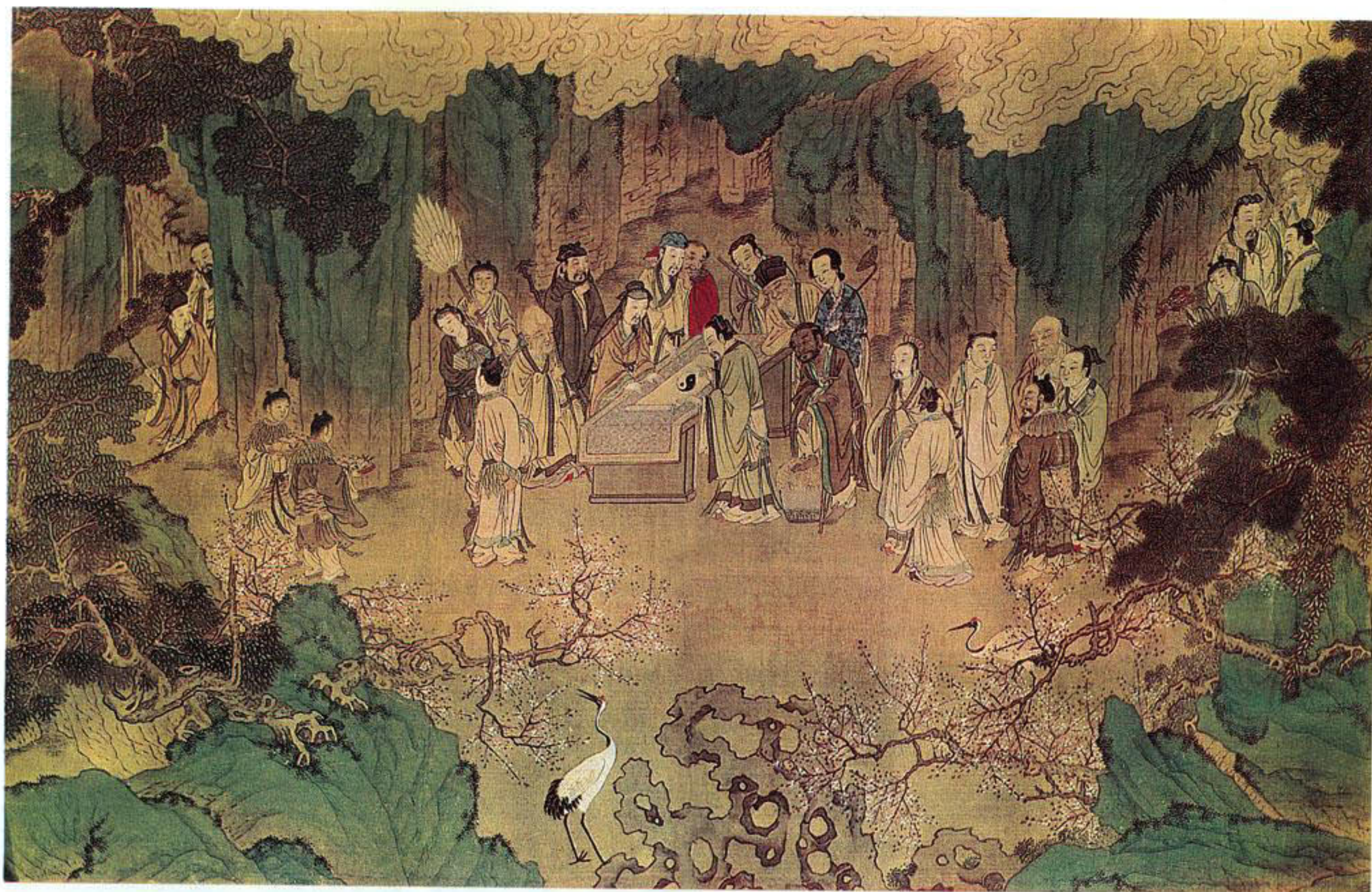
В конце XVIII в. особую популярность в Европе приобрели так называемые пейзажные парки в стиле романтизма, часто называемые английскими, – они появились на Британских островах. Создавая их, всячески старались избегать регулярности: кустарники и деревья либо вообще не подстригали, либо делали это так, чтобы не бросалось в глаза. Террито-

Константин Сомов. Радуга, 1915 г.

рию не делили оградами на обособленные части, не прокладывали прямых или круто изогнутых аллей, а для садовых дорожек искусно использовали неровности естественного рельефа. В Павловске под Санкт-Петербургом, где размещается один из самых прекрасных пейзажных парков мира, петляющая между моренными холмами речка с проложенными вдоль нее дорожками служит своеобразной путеводной нитью от одного неожиданно открывающегося вида к другому.

Кроме искусственных насаждений, в пейзажных парках оставляли большие участки с естественной растительностью. И порой даже трудно было понять, где кончаются новые посадки и начинаются сохраненные рощи. Такой парк уже не отделяли бросающейся в глаза оградой, а делали изгороди, спрятанные во рвах и незаметные издали, чтобы оберегать территорию от пасшегося поблизости домашнего скота.

Основную роль в романтических садах играла не символика того или иного сооружения, арки или вида,

Ван Чжэнь-Пэн. Бессмертные в саду.
Водяные краски на шелке, 1312–1321 гг.

открывающегося из аллеи, как было раньше, а чувство, мироощущение. Особенно ценилась меланхолия: иногда в парках специально сооружали «руины» — подобие разрушенных зданий, над ними витал дух воспоминаний, вечности. Павловск, скажем, был резиденцией Марии Федоровны, вдовы императора Павла I, и поэтому именно данное мироощущение было выражено там особенно ярко.

Между тем пейзажные парки эпохи романтизма — это вовсе не отход от представлений о всеисильности человека, господства его над природой. Но осознав свою силу, европейцы конца XVIII — начала XIX в. поняли: не всегда следует открыто демонстрировать ее. Не случайно именно романтики были первыми, кто в рамках европейской культуры всерьез озаботился разрушительным воздействием цивилизации на природу.

ОБРАЗ МИРА В САДАХ И ПАРКАХ ВОСТОКА

Создатели пейзажных парков Европы многое заимствовали в Китае и Японии. Е. В. Завадская, современная отечественная исследовательница восточной культуры, ссылаясь на российского ученого середины XX в. Н. Певзнера, пишет: «... Пейзажный парк был изобретен там философами, писателями и садоводами». Комплекс Неба в Пекине построен с таким расче-

том, чтобы находящийся в нем человек ощущал величие мироздания, божественный характер его иерархического устройства, в котором императорская власть воплощает силу и порядок, а мир соразмерен во всех своих частях друг другу и человеку.

Отмечу: в восточной традиции, в отличие от европейской, природу, существовавшую до человека, вовсе не рассматривают как первичный хаос, отсутствие порядка. Согласно мнению знатока японской культуры Т. П. Григорьевой (Институт антропологии и этнографии РАН), хаос — это то, что своими неразумными действиями вносит человек в естественный ход вещей, в изначальную целостность мира. Поэтому вмешательство в природу при создании сада (парка) требовалось всячески скрыть и, наоборот, подчеркнуть естественный характер ландшафта.

Комплекс летнего императорского дворца и парк Ихэюань на окраине современного Пекина — характерный пример символики мироздания, сознательно внесенной в искусственный ландшафт. Так, образ юга — гора, символизирующая мужское начало ян, занимает ровно одну треть общей площади комплекса (3 км²), а озеро — воплощение севера и женского начала инь — две трети. Борьба двух этих мировых начал выражается во всех элементах парка: гора противопоставляется глади озера, плавность очертаний его берегов — прямым изгибам тянувшейся вдоль него галереи, затененные интерьеры павильонов — яркому освещению их

двориков. Характерен и выбор места для парка: крутосклонная гора полностью загораживает вид от входа в него на многочисленные храмы, павильоны, галереи, укромные уголки.

Особое внимание в китайских парках уделено созданию ощущения изменчивости мира и неразрывности связи чередующихся стадий. Для этого различные растения высаживают так, чтобы они расцветали (последовательно) в течение почти всего года. С расцветающими и увядающими растениями контрастируют бамбук и сосна — воплощение устойчивости мира, силы человеческой личности.

По этим принципам в Китае и Японии разбивали не только огромные парковые ансамбли, но и небольшие городские сады, в которых искусное применение стенок из камня, насаждений деревьев и кустарников рождает впечатление многообразия мира. В них, никогда не превышающих сотни метров в поперечнике, можно гулять часами, не рискуя наткнуться взглядом на уже увиденную однажды картину. Неожиданность, вечная новизна мира, воплощенная в его простой по устройству и небольшой по размеру детали, — важнейшие принципы мировосприятия китайцев и японцев.

ЛАНДШАФТЫ XX СТОЛЕТИЯ

Недавно закончившийся век характеризуется существенными изменениями как в облике садов и

Кацусика Хokusай. Остров Рюкю. Приморский ландшафт, 1830 г.

парков, так и в их социальной роли. Начало интернационализации садово-паркового искусства положили всемирные выставки. При подготовке к каждой из них создавали огромные комплексы, включающие павильоны отдельных стран и парк, объединяющий эти строения. По окончании каждой экспозиции на месте их проведения формировались парки для отдыха горожан. Характерный пример: при подготовке Европейской выставки, проведенной в Праге в 1930 г., на окраине столицы Чехословакии был создан садово-парковый ансамбль в стиле модерн; и сейчас это одно из любимых мест отдыха пражан.

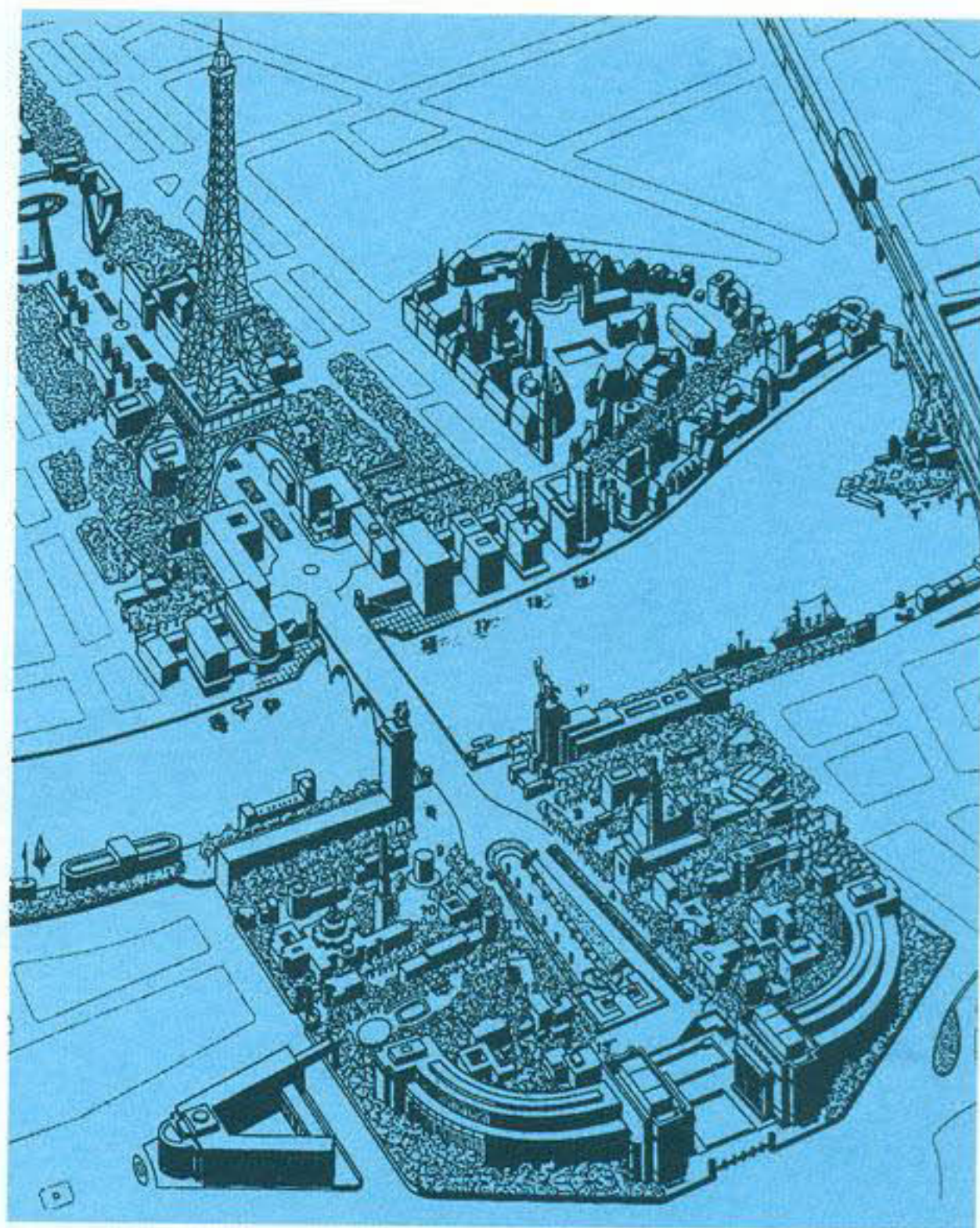
В Москве в начале XX в. парки и сады служили не только для отдыха зажиточных горожан (сад «Эрмитаж»), но и для проведения политических митингов (Измайлово, Сокольники, Кусково). А в 20-е годы в них стали проводить официальные мероприятия, поэтому растительность перестала быть основной частью ансамбля. На первый план вышли архитектурные и скульптурные детали (непременный атрибут — «Девушка с веслом»). Наиболее последовательно эта идея как символ государства, власти выразилась в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького (ЦПКиО), созданном на берегу Москвы-реки и офи-

**Всероссийский выставочный центр.
Фонтан «Каменный цветок».**

циально открытым в 1928 г. Он довольно искусственно был присоединен к существовавшим к тому времени уже полтора столетия Нескучному и Голицынскому садам – традиционным местам отдыха городской интеллигенции и мешан. В парадной, регулярной части ЦПКиО есть все для отдыха молодого, активного горожанина в выходной день: от пивных и ресторанов до фонтанов и аттракционов; при этом парк полностью лишен этнической и ландшафтной окраски. Еще одним примером современного огромного парка как центра коллективных развлечений стала Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ, ранее ВСХВ, а теперь – Всероссийский выставочный центр).

Современные парки Северной Америки и Европы на первый взгляд совершенно иные. Скажем, Диснейлэнды в Калифорнии, в г. Орlando (штат Флорида) и под Парижем – это центры развлечений не только детей, но и взрослых. Широко известен парк «Мини-Европа» в Брюсселе с уменьшенными копиями исторических зданий различных городов Европы, а также посвященные знаменитому детскому конструктору «Лего» Леголэнды в Биллунде (Дания), в Виндзоре (Великобритания), в той же Калифорнии. Принципы их организации вполне соответствуют тем, что были применены при создании ЦПКиО и подобных ему: полностью отсутствует связь с окружающим ландшафтом, а развлекаться люди должны в толпе. Уединение, один из основных принципов классических парков Европы и Востока, здесь вовсе не принимается во внимание.

**Архитектурный комплекс Всемирной выставки
в Париже (1937 г.).**

Вместе с тем в различных странах возникают также парки, культурологическая роль которых очевидна. Подобные есть в Риме, Лондоне, Ганновере. Да и сад «Эрмитаж» в Москве стремится стать садом в том истинном, старом понимании этого слова. Потребность общества в таких «островках» отдохновения, слияния с природой очевидна. Этой же цели служат так называемые ландшафтные парки, во множестве появившиеся в Европе, Америке, Азии, Австралии. Создатели их искренне хотят, чтобы посетители ощутили себя частью живой природы...

Представление о целостности и неразрывности мира присуще многим культурам. Однако развитие городской индустриальной цивилизации, разрывающей природные связи, ставящей между человеком и природой мертвую, не способную к саморазвитию технику, привело к тому, что люди частично утратили уверенность в целостности мира. Хочется надеяться, анализ взаимодействия природы и общества, наиболее сконцентрированного в культурных ландшафтах, поможет найти путь к решению глобальных проблем современности – экологических, социальных, антропологических.

*Иллюстрации
предоставлены автором*